

Н. В. Гормина

ХРАМОВАЯ УТВАРЬ ИЗ ОЛОВА XVII—XIX вв. В СОБРАНИИ НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Художественное олово — замечательное явление русского прикладного искусства. Попытка изучения, систематизации произведений из олова новгородского собрания предпринята впервые в связи с подготовкой к научной инвентаризации и каталогизации этой коллекции.

Основной предмет исследования — храмовая утварь. Введение в научный оборот памятников художественного олова XVII—XIX вв. поможет раскрыть еще не одну страницу в русском искусстве. Прежде чем перейти к характеристике памятников собрания, целесообразно дать краткий очерк по истории появления и использования олова для производства разнообразных предметов.

Олово — серебристо-серый, мягкий, легкоплавкий, пластичный металл. Он более дешев, чем серебро, легок для обработки и устойчив к химическим воздействиям, не поддается сырости. В природе в чистом виде встречается очень редко. В средневековые регламентировались обязательный состав олова, допустимые примеси. Однако известно его применение в чистом виде для определенных категорий изделий.

Реймский собор 813 г. разрешил употреблять олово наряду с использованием драгоценных металлов для изготовления церковных сосудов. Иные неблагородные металлы были недозволены.¹ (Еще в античные времена было установлено, что в соединении с продуктами питания олово безвредно для здоровья.) Первый расцвет оловянное литье переживает в Западной Европе в XII в. с открытием месторождений в Рудных горах. Более ранняя добыча олова началась в Англии, на полуострове Корнуэлл. Европейские гильдии оловянных дел известны с XIII в., в ганзейских городах Германии. Наиболее крупным источником высококачественного олова была Англия, являвшаяся основным экспортером этого металла. На Русь олово попадало через Польшу, Ригу, Ревель в различной таре: упоминаются слитки, бочки, бочонки, ящики. С середины XVI в. новгородские купцы закупали олово без посредников. В портовых городах России существовали склады для хранения английского олова, откуда оно шло на русский рынок и как сырье, и в обработанном виде. Поставщиками олова в Новгород были также Голландия, Германия и Швеция, имевшие свои месторождения.² На Руси, не знавшей своих разработок, олово было в основном привозным, об этом сообщают работы А. И. Никитского, А. Л. Хорошкевич,³

¹ См.: Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. Прага, 1984. С. 351.

² См.: Косцова А. М. Художественное олово в России XVII века из собрания Эрмитажа. Л., 1982. С. 6.

³ См.: Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963. С. 309—315.

Е. А. Рыбиной,⁴ хотя с XV в. известны русские месторождения олова в Вятской губернии, близ Олонца,⁵ в районе Верхней Камы, а со второй половины XVII в. отмечаются находки оловянных руд на территории Енисейского и Нерчинского уездов Забайкалья. Но оловянный промысел не получил тогда широкого развития. Основным сырьем оставался импортный металл.

В XVII в. новгородские купцы доставляли олово в изделия западноевропейской работы из северных портовых городов, а также из Москвы для светских и духовных лиц. О бытовании оловянных изделий, их приобретении на ярмарках, в купеческих корпорациях для потребностей на «государев обиход» пишет И. Е. Забелин.⁶ Церковная утварь, богослужебные сосуды, исполненные в подражание изделиям из благородных металлов, покупались патриаршей казной для отправки в различные монастыри и церкви. С наступлением XVIII в. регулярный ввоз оловянной продукции прекратился. Появление фарфора, использование серебра для изготовления утвари способствовали сокращению производства из олова. Ветхие предметы переплавлялись, и олово использовалось для лужения медных изделий.

Русскими ремесленниками олово использовалось издавна, о чем можно судить по немногим летописным упоминаниям, другим письменным источникам и археологическим находкам из олова и его сплавов. В столице дворцовые «оловянщики» и «оловянные мастера» на посаде занимались изготовлением предметов парадного церковного и домашнего обихода. Известны и другие названия мастеров по олову — «словолитчики», «резцы». Вероятно, были оловянщики и в Новгороде. Название одной из новгородских улиц Торговой стороны — Оловянка известно с XVI в.

Комплекс источников и публикаций, в которых фигурирует оловянная церковная утварь, большим числом не отличается, хотя памятникам прикладного искусства, истории ремесла посвящена обширная документация и литература. Среди немногочисленных упоминаний о новгородской храмовой утвари из олова в числе первых следует указать известнейшее и ценнейшее двухтомное описание древностей Новгорода, созданное архимандритом Макарием в 1860 г.⁷

Оловянные изделия, став объектом коллекционирования со второй половины XIX в., упоминаются среди предметов частного музея новгородского краеведа В. С. Передольского, многие годы собиравшего древности. В его коллекциях хранились тарелы, дароносицы, дарохранительницы из олова, поступившие после упразднения частного музея в 1920-е годы в губернский музей Новгорода.

Церковная утварь из олова зарегистрирована в Указателях хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом ко-

⁴ См.: Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 72.

⁵ См.: Шемаханская М. С., Дубровин А. Ф. История русского цветного металла (по архивным источникам и результатам исследования предметов). Материалы конференции «Художественный металл России». М., 1998.

⁶ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. М., 1905. Ч. 2. С. 228.

⁷ См.: Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 228, 240.

митете 1889 г., каталогах Новгородского музея древностей 1893 и 1911 гг.,⁸ Епархиального древлехранилища 1916 г., в инвентарной описи памятников старины, поступивших из храмов Тихвинского, Кирилловского, Боровичского уездов Новгородской губернии. Это потиры, диски, дароносицы. В инвентарной описи приводятся краткие описания предметов без какой-либо атрибуции и деталей.⁹ В частично сохранившихся довоенных учетных документах Новгородского музея (книги регистрации 1920—1930-х годов) сведения скудные, описание предметов отсутствует и произвести идентификацию практически невозможно.

Олово XVII—XIX вв. в музейных собраниях немногочисленно, его коллекции единичны. Кроме известной и собранной И. А. Гальнбеком в разных регионах России коллекции, переданной в Русский музей, а затем в Музей этнографии народов СССР и Эрмитаж, оловянную церковную утварь хранят Государственный Исторический музей, музей Московского Кремля, Музей истории религии, Архангельский музей, Кирилло-Белозерский музей-заповедник. Неоценимую помощь на начальной стадии работы с новгородским художественным оловом оказали работы И. А. Гальнбека, посвятившего в 1920-е годы свои труды сохранению, консервации, технологии изготовления предметов из олова.¹⁰

Важную роль для изучения памятников оловянного дела сыграл каталог выставки «Художественное олово в России XVII в.» А. С. Косцовой.¹¹ Выставка, организованная Эрмитажем в 1982 г., послужила отправной точкой в привлечении внимания к коллекциям олова в музеях России, началом его глубокого изучения.

В последние годы в исторический и библиографический материал, посвященный олову, внес существенный вклад каталог «Русское олово XVIII в.» Е. Ю. Ельковой и Т. А. Лобаневой¹² из собрания ГИМ. Этот обобщающий труд дал ценнейшие сведения по клейменному олову (в основном светских произведений), возможность ознакомиться со списками оловянишников, иконографией и графикой клейм, а также с письменными источниками о мастерах XVIII в.

Коллекция оловянных изделий из фонда декоративно-прикладного искусства Новгородского музея-заповедника, обзор которой мы представляем этим сообщением, насчитывает около 250 произведений культового характера XVII—XIX вв. В составе коллекции обращают на себя внимание следующие соотношения по типам предметов: 60 потиров, 15 малых потиров (так называемых потирчиков из дароносиц), 39 дисков, 36 блюд и тарелей, 20 звездич, 40 дарохранительниц, 17 дароносиц, 28 лжиц (в том числе малых, из дароносивых сосудов), несколько мосцевиков, 2 сосуда для мира и масла.

⁸ ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 25. Л. 8—10.

⁹ ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 25. Л. 8 об.—9 об.; д. 26. Л. 4 об.; д. 31. Л. 18 об., 21 об., 54 об., 57 об.

¹⁰ См.: Гальнбек И. А. Изделия из олова и оловянная чума. Материалы по методологии археологической технологии. Л., 1927. Вып. 9.

¹¹ См.: Косцова А. С. Художественное олово... С. 6.

¹² См.: Елькова Е. Ю., Лобанева Т. А. Русское олово XVIII в. Мастера. Клейма. Словарь: Каталог. М., 1995.

Новгородское культовое олово, отвечающее требованиям литургии, не привнесло своеобразных форм, а напротив, их упростило. Свойства металла диктовали и декоративную отделку. В большинстве своем памятники украшены гравировкой, наиболее подходящим способом и несложной декоративной техникой для этого мягкого материала. Гравированный орнамент оловянишники наносили, вероятно, сами, судя по наивным реалистическим образам, более сложные композиции создавались и более опытными граверами. Резную орнаментацию и лицевые изображения имеет практически каждый памятник новгородской коллекции. Чеканка встречается крайне редко. Такие предметы, как дароносицы и дарохранительницы, на гладких поверхностях которых помещены композиции, имеют накладные изображения. Типы орнаментации, лицевые изображения и иконографические изводы ограничены и связаны с назначением предметов.

Классифицируя памятники по типам, перейдем к характеристике первого из них.

Блюда церковные, их четыре: большие круглые неглубокие, с разновеликими бортами, покрытыми полностью или частично служебными и вотивными надписями. Все исполнены в Англии, дополнительную обработку получили в России. На одной или на обеих сторонах борта каждого выбито клеймо с изображением шестилепестковой розы с короной. Самое большое блюдо (диаметром около 50 см)¹³ с лицевой стороны украшено семью декоративными клеймами: три продолговатые фигурные заполнены вкладной надписью и чередуются с четырьмя круглыми, в которых помещены монограммы. Обронные архаичные надписи выделяются на горизонтально штрихованном фоне, указывая на принадлежность келейного блюда архимандриту Феодосию, возможно, игумену Хутынского монастыря Феодосию II.

Другое блюдо,¹⁴ судя по клейму с изображением коронованной розы на обороте бортика, — также английского происхождения, середины XVII в., поступило из церкви Василия Парийского. Его декор иной. На дне, в круге — гравированная композиция «Голгофский крест» с традиционными углубленными надписями. По борту в трех удлинённых клеймах с фигурными завершениями (их фон косо заштрихован) размещена обронная вязевая надпись: «БЛЮДО ЦЕРКОВНОЕ С(ВЯ)ТО(ГО) ВАСИЛИЯ ПАРИЙСКОГО ЧЕРНИЦЫНЫ УЛИЦЫ». Графика надписей характеризует уверенную и опытную руку «словописца». Это блюдо упоминает архимандрит Макарий среди имущества Десятинного монастыря.¹⁵

К предметам английского импорта относится блюдо XVII в., вложенное в Ксенофонтову пустынь близ Хутыни.¹⁶ Из надписей известно также, что изготовивший его Сергей прежде был келарем Антониева монастыря. Вязь, на едва заметном волнистом резном фоне, покрывает весь борт сплошную и является его единственным украшением. Изучая процесс работы резчика, разметку

¹³ НГМ КП 2345.

¹⁴ НГМ КП 2326.

¹⁵ Макарий, архимандрит. Археологическое описание... С. 253.

¹⁶ НГМ КП 3762.

букв, некачественную штриховку фона, можно констатировать невысокий профессионализм автора блюда из Ксенофоновой пустыни.

Иной качественный уровень исполнения отличает блюдо «СОФИЙСКОМУ ДОМУ». ¹⁷ Оно представляет собой плоское «блюдное» литье английской работы с русской обронной надписью. Размеры предмета, компоновка надписи, оформление края напоминают серебряный аналог середины XVII в, происходящий из Софийского собора. ¹⁸

Представленные блюда дают возможность говорить о художественной неоднородности местного оловянного дела. Типологические аналогии находим среди идентичных оловянных предметов из собраний Эрмитажа и ГИМ, конкретные иконографические параллели видим также в произведениях русского серебряного дела XVII в. Стиль гравированных изображений, композиции фигурных клейм с обронной вязью, начертание букв позволяют отнести блюда к первой половине—середине XVII в.

Значительную часть оловянной утвари новгородской коллекции составляют **требные тарели** XVII—XVIII вв. Они выковывались также из листового олова, по форме круглые, неглубокие, с узким бортом — полем, припаянным к донцу. Эти предметы лишены каких бы то ни было особых декоративных или специфических черт. Расположенные на бортике литургические надписи связаны с иконографией лицевых изображений. На донце линейной контурной резьбой исполнены канонические композиции «Голгофский крест», «Распятие», «Богоматерь Знамение», «Богоматерь Одигитрия», обусловленные функциональным назначением тарелей. Поля и бортики сосудов украшены, как правило, традиционными надписями в одну строку. Иногда литургические надписи продолжены на донце.

Новгородские **дискосы** по своей конструкции и типу резного декора довольно однообразны. Дискосы XVII в. небольшие, всегда с круглой тарелью и невысоким гладким круглым поддоном на цилиндрическом стояне. В центре, на «зеркале» дискоса, гравировалось изображение ехаристического Агнца в узорчатой чаше, с двумя предстоящими или летящими ангелами с рипидами в руках по сторонам и выше — нисходящим Святым Духом, причем тип резной чаши без повторов. По узкому бортику вся композиция обрамлялась литургическим традиционным текстом. Резным композициям дискосов присущи принципы изобразительного начала, выразившиеся в стилистике сюжетов, орнаментально-декоративном решении памятников. Прямого «цитирования» сюжетов графики нет. Графические изображения видоизменялись, варьировались, мотивы перерабатывались, дополнялись деталями. Хронологические рамки дискосов новгородского собрания охватывают два столетия.

Неотъемлемы от дискосов **звездицы**, появившиеся в литургической практике позднее. Звездица, установленная на тарели дискоса, покрывалась покровцом и предохраняла просфору. Состоит из двух полос — дуг, скрепленных между собой звездой — шарниром круг-

¹⁷ НГМ КП 2346.

¹⁸ НГМ КП 992.

лой формы с изображением голгофского креста со всеми атрибутами, иногда с надписями. Дуги звездicc, символизирующие небосвод, зачастую покрыты резными травами. На большинстве звездicc изображения выгравированы. В XVIII в. звездicc несколько видоизменяются. Дуги на концах приобретают иную форму, и на их поверхности мастер гравировывает святителей, реже, в средней части дуг, появляются круги с резными евангелистами и херувимами.

Самой многочисленной группой литургических сосудов являются **евхаристические чаши, потиры** (рис. 1). Потир, использовавшийся в христианской литургии, традиционно имеет форму двух полусфер, соединенных оборотными сторонами посредством ножки-стояна. Форма и декор тесно связаны с литургическим назначением предмета, жертвенной чаши, напоминая о смерти Христа. Оловянные потиры Новгородского музея условно подразделяются на четыре группы:

— потиры с полусферической чашей, цилиндрическим стояном и поддоном, приближающимся к полусфере, к краю поддона припаян неширокий борт, поддон в сечении круглый, устройство и форма напоминают известные ранние чаши;¹⁹

— потиры с чашей в форме полуовала, с расширяющимся стояном с кольцевидным перехватом, переходящим в круглый поддон. Для сосудов обеих групп XVII в. характерна вязевая литургическая надпись на штрихованном фоне по венцу чаши в виде неширокой полосы. Тулово дополнено четырьмя гравированными композициями «Деисус» и «Голгофский крест», или «Распятие», в круглых или овальных клеймах, размещенных на поверхности равномерно. Зачастую круги с тремя полуфигурами сгруппированы вместе (иногда вплотную), а четвертое клеймо располагается отдельно, строго напротив Спаса Вседержителя. На некоторых чашах вязевая надпись прерывается лицевыми изображениями. На одном из потиров²⁰ есть особенность — фигура Богоматери расположена справа, не одесную Христа. Случаи нарушения канона в композиции «Деисус» известны: это и византийская слоновая кость XI в. (триптихи из собраний Лувра и библиотеки Ватикана), и алтарная композиция настенных росписей XII в. церкви Спаса на Нередице в Новгороде. Совпадение иконографического извода «Деисус» отметим и на оловянном потире из собрания Эрмитажа;²¹

— группа представляет более поздний тип потира, распространенный в XVIII—XIX вв., с глубокой чашей колоколообразной формы, стояном в виде балясины. Иконографическая схема идентична («Распятие с орудиями страстей», «Деисус»), резной декор традиционен. Композиции более развитые, расширенный Деисус из пяти фигур, чаще поколенных, помещается в картушах или в медальонах, обрамленных акантом. Фон вокруг медальонов украшают небесные светила, херувимы. Здесь наблюдаем стилистическое родство с декором светских резных изделий. Форма балясин стояна разная: грушевидная, шарообразная, в виде вазона. Реже встречаются потиры, стоян которых переходит в граненый или шестилепестковый поддон с

¹⁹ Потир архиепископа Моисея из собрания музеев Московского Кремля.

²⁰ НГМ КП 3528.

²¹ ЭРП 523.

Рис. 1. Потир. XVII в.

гравированными херувимами. Все детали оловянных потиров этого периода — чаша, балясина и поддон — обтачивались на токарном станке. Потир XVIII в. отличает живописная резьба, обилие штриховки, подчеркивающей объем. Здесь несомненно влияние на металлопластику изобразительного искусства. Гравюры иногда копируются;

— еucharистические чаши (их несколько) из олова в сочетании с другими металлами. Оловянишники пытались приблизить внешний вид оловянных изделий к изделиям из благородных металлов. Одним из видов отделки явилась комбинация материалов. Автор предмета строит композицию, сочетая чистое олово и его сплавы с медью золотистого

цвета, что напоминало позолоту на серебре, — так оправляли края предметов (кольцо поддонов) и выполняли отдельные детали (балясины или стояны полностью);

— миниатюрные потиры — потирчики, лишенные всякого декора, повторяют своей формой большие чаши. Они являются неотъемлемой частью, вкладышами дароносных сосудов.

Маркировка на большинстве литургических сосудов отсутствует. Вероятно, это — изделия монастырского происхождения русской работы, из сырья, поступавшего после разработки сибирских и уральских руд.

Походные дароносицы, с которыми совершались таинства крещения и миропомазания вне храма, разнообразны. Согнутые из листа олова коробки — дароносицы — имели квадратную, прямоугольную и крестчатую формы с откидными или отъемными крышками.

Дароносицы в форме четырехконечного креста украшены резной композицией «Распятие», а прямоугольные «дароносивые» сосуды, увенчанные луковичной главкой с четырехконечным литым крестом, снабжены выдвижной пластиной — крышкой с гравированным изображением Распятия. Еще один тип дароносицы — с килевидным многолопастным ступенчатым верхом, ее крышка на шарнирах, на ней литой высокорельефный крест, идентичный меднолитым образцам наперсных крестов. Самый распространенный тип дароносицы в виде киотца с полукруглым верхом имеет на отъемной крышке углубленное или рельефное распятие. Внутри дароносицы всех типов имеют по 2—3—4 отделения с перегородками, куда вкладывались необходимые священнику предметы: потирчики, лжицы и сосуды для мирро и масла.

Наиболее сложными по своим конструктивным особенностям являются ковчеги, дарохранильницы (рис. 2). Их типы, как и декор, разнообразны:

— дарохранильницы XVII—начала XVIII в., представляющие собой прямоугольную коробочку на четырех шаровидных или в виде звериных лап ножках, со съемной пирамидальной крышкой, увенчанной литым распятием.²² Передняя стенка также выполняет роль крышки, она выдвижная, с рельефной композицией «Деисус», боковые стороны украшают предстоящие святые, по три с каждой стороны. Все элементы не случайны, имеют символический смысл. Оловянишник, используя модели меднолитой пластики, komponует трехфигурный поясной Деисус, а размещенные на боковых сторонах фигуры, изображенные в рост и обращенные в сторону Христа, являются не чем иным, как копией створок известных «девятоку». Фигуры святых напаяны на стенки дарохранильниц;

— двухъярусные дарохранильницы — более развитый, сложившийся в 1720—1730-е гг. тип так называемой часовни с главкой. Это две коробки из сложенного листа олова, боковые швы которых спаяны, не видны, покрыты узкими полосками листового металла. Ножки и главка литые, точеные. Рельефные композиции лицевой

²² Отливки делались русскими мастерами с использованием глиняной формы, несмотря на ее хрупкость и недолговечность. Большая часть литых деталей и композиций повторяет сюжеты меднолитых складней, икон.

Рис. 2. Дарохранительница. XVIII в.

стороны — «Спас Смоленский» на одном ярусе и «Богоматерь всех скорбящих радость» на другом. Другой вариант декора представляет собой хорошо известный по памятникам меднолитой пластики извод Богоматери на верхнем ярусе, на нижнем же помещены отдельно Спас Вседержитель (лицевая сторона), поясные Богоматерь и Иоанн Предтеча (боковые стороны), то есть мы видим знакомую композицию медного трехстворчатого складня, «разбитую» на отдельные иконки;

— «многоэтажные» дарохранительницы, относящиеся к середине XVIII в., представляют собой более сложный декоративный тип — к вышеописанной двухъярусной конструкции добавляется сооружение на литых колоннах, увенчанное сенью, с фигурой воскресшего Христа в сиянии. Под сенью установлен ковчег в виде гроба Господня. Резной декор на дарохранительницах редок. Весь миниатюрный рельеф состоит из иконографических комплексов медного литья. Рельефные сюжеты дарохранительниц повторяют композиции образов, наперсных иконок, складней медного и бронзового литья с изображением Николы Можайского, Троицы, различных изводов Богоматери и т. д.

Оформление оловянных ковчегов ориентировано на старообрядческие образцы. Очевидно, оловянщики для выполнения рельефов имели набор литейных форм, которые могли использоваться по отдельности. Комбинируя и komponуя модули, художник обогащает иконографический состав памятников. При детальном рассмотрении произведений медного литья и рельефов оловянных изделий нет сомнений в использовании единых литейных форм.

В новгородском собрании маркированных изделий немного. Отметим, что клеймение олова появилось в конце XVII—начале XVIII в., раньше первого законодательного акта о клеймении ремесленных изделий 1722 г. Практика клеймения олова широко распространилась в России в 1730—1760-е гг., главным образом в Москве. Во второй половине столетия, когда производство русского олова клонилось к закату, количество и качество клейм снизилось. К середине XIX в. оловянная маркировка практически исчезла. Предметы культового характера маркировались редко.²³

Однако часть утвари имеет клейма английских изготовителей, на единичных изделиях с трудом читаются русские монограммы. Ни на одном из предметов обнаружить клейма с изображением двуглавого орла и благословляющей руки, указывающих на принадлежность царскому имуществу или патриаршей казне, нам не удалось. Приведенные в данном обзоре основные типы памятников не однородны как по своим достоинствам, так и по состоянию сохранности, что, безусловно, является препятствием к экспонированию оловянной утвари.

В заключительной части публикации приведем также сведения об утраченных оловянных памятниках, упоминания о которых удалось обнаружить в письменных источниках Новгородского музея-заповедника:

²³ Елькова Е. Ю., Лобанева Т. А. Русское олово... С. 23.

— «потир оловянный на нем чеканные изображения Деисуса и креста с орнаментом и чернью ... на поддоне чеканные херувимы»²⁴ (обращаем внимание на чеканный и черневой декор, крайне редко встречающийся на изделиях из олова);

— «небольшое оловянное блюдо...» с надписью: «сіе блюдо положилъ въ церковь Божию Белозерець Иванъ Ивановъ сынъ больше Горшечниковъ»;²⁵

— «оловянная дарохранительница съ рельефнымъ изображениемъ...» с латинскими и немецкими надписями, из Деревяницкого монастыря;²⁶

— «оловянная дарохранительница съ рельефнымъ изображениемъ пятиличнаго Деисуса»;²⁷

Данное сообщение является первой попыткой знакомства с новгородским собранием культового олова, которое требует дальнейшего изучения для определения более точных датировок, центров изготовления, формирования и развития типологии памятников, выявления стилистических, иконографических и технологических признаков произведений.

²⁴ Каталог Новгородского церковного древлехранилища. Новгород, 1916. С. 37. № 348.

²⁵ Там же. № 372.

²⁶ Каталог выставки XV Всероссийского Археологического съезда в Новгороде. Новгород, 1911. Отдел II. С. 25. № 107.

²⁷ Там же. С. 24. № 102.